

Переезды и жизненный успех: пространственный аспект социальной мобильности

Residential mobility and life success: the spatial aspect of social mobility

Ключевые слова: городское пространство, социальная мобильность, географическая мобильность, переезды, биография, пространственные практики, жизненные траектории

Введение

В последнее десятилетие можно наблюдать, как движение в различных формах и проявлениях становится важнейшим концептом для осмысления социальных процессов, в том числе социального неравенства (Урри, 2013). Проживание в том или ином месте может обуславливать формирование определенных биографических сценариев, задавая горизонт жизненных возможностей и способов их реализации (Maloutas, 2004; Ечевская, 2015). В свою очередь, рассмотрение биографических сценариев позволяет, опираясь на локальный контекст перемещений, определить субъективные смыслы переездов и сфокусироваться на тех жизненных событиях, которые предопределили конфигурацию социально-профессионального пути индивида (Oishi, 2010).

Целью нашего анализа является изучение роли переездов в индивидуальных траекториях социальной мобильности. Мы считаем, что тематика переездов, затронутая в ходе исследования, помогает информанту переосмыслить свою траекторию социальной мобильности, а исследователю - ответить на вопросы о проекции жизненных траекторий на физическое пространство и о влиянии географического «вектора» мобильности на различные события жизни. Кроме того, в изучении межпоколенной мобильности возможен анализ «отсроченной» роли переездов, когда заметное изменение социальных позиций наблюдается только в следующем поколении (Судьбы людей..., 1996: 70–99).

Эмпирической базой исследования стали интервью, полученные в ходе проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (грант РНФ № 14-28-00217). Методология проекта подробно освещена в работе (Семенова и др., 2016). Материалы проекта позволяют провести сравнительный анализ по тематике переездов для различных поколений: «прадеды», или первое поколение «советских

людей» (годы рождения 1920–1930-е г.р.), «деды», или второе поколение «советских людей» (1940–1950-е г. р.), «родители» (1965–1970 г. р.), и «дети» (1985–1990 г. р.).

Статика и динамика социальных перемещений

Сюжеты интервью, посвященные переездам, весьма интересны с точки зрения анализа траекторий мобильности. В ходе описания переездов и свойств своего жилища обычно проговариваются детали жизненного уклада, акцентируется внимание на появлении или утрате тех или иных возможностей: *«Мама с папой получили квартиру. Они работали на заводе, и в то время выдавали за отработку. Вот отработали - выдали квартиру»* (жен., 29 лет, поколение «детей»); *«Малосемейка это квартиры, которые строили <...> для молодых семей. Большие для рабочих... ну, первое начальное жилье, которое давали в Советском Союзе, ступени... там было: коммунальные квартиры, общежития. А это отдельная квартира, но малая по количеству квадратных метров»* (муж., 46 лет, поколение «родителей»).

В процессе биографического интервью рассказчик дает описание места и времени как обстоятельств, необходимых для понимания описываемых им событий (Рождественская, 2012), при этом тематика переездов позволяет увидеть не только само это событие глазами рассказчика, но и ту логику, которая помогает выстраивать данный жизненный сюжет как связный и целостный. Переезды создают структуру жизненной траектории, очерчивают поворотные моменты этой траектории, и, в конечном счете, помогают информанту и исследователю разделить жизненный путь на четкие этапы, для каждого из которых становится возможной субъективная оценка результатов социальной мобильности. Иными словами, время и пространство могут выступать в качестве упорядочивающих элементов рассказа о жизни. Точками отсчета в такой биографии могут служить переезды, утрата или обретение жилья, и другие важные для рассказчика эпизоды, связанные с пространственными перемещениями.

В биографии С. (муж, 40 лет, поколение «родителей»), насыщенной многочисленными внутригородскими переездами с раннего детства, смена жилища соотносилась с закреплением себя в новом социальном окружении, а сами квартиры описывались с точки зрения их престижности (по местоположению, близости к значимым объектам городской инфраструктуры, площади, интерьеру, и т.д.): *«Мы переехали на другую квартиру... стали жить напротив Академии художеств», «это был уже центр, соответственно, уже другое окружение», «дача была со всеми удобствами, со всеми буквально, какие есть в городе... 3-комнатная квартира с ванной, с туалетом, с водой, ну, все, все, все».* Эти элементы повествования служат важными структурными элементами для подчеркивания высокого статуса, который имела семья С. в прошлом. Этот статус позднее, в «лихие» 90е годы, был

утрачен семьей рассказчика, но для него он является устойчивым ориентиром для субъективной оценки текущей социальной позиции как неуспешной.

В биографии Я. (муж., 38 лет, поколение «родителей») уже при описании детства можно увидеть сравнение статуса родителей и статуса ближайшего окружения, а также сравнение ожидаемых и реальных жилищных условий, которые соответствовали бы данному статусу: *«жили в коммуналке <...> моя мать несколько выпадала из этого ансамбля, потому что она была такая женщина интеллигентная, а там люди были попроще, <...> потом как-то сложным обменом выкрутили квартиру двухкомнатную».*

В биографии Б. (жен., 56 лет, поколение «дедов») мы обнаружили запутанный рисунок географических перемещений, который можно назвать «гипермобильностью». Эта гипермобильность была связана с опытом постоянных лишений и житейских неурядиц: репрессии в родительской семье, расселение в бараки, отсутствие прописки, вынужденный уход с работы из-за недоброжелательности и доносов. Б. предпринимала попытки «остановить» свои перемещения, но обстоятельства, в первую очередь жилищные, были неблагоприятными: *«Может, они и не знали, что я из раскулаченных, но знали, что я жила в бараках, а в бараках жили все такие <...> Жить было негде. У мамы был крохотный флигелечек. Комнатка и кухонька. Надо строиться. А как?». В результате Б. устроилась на тяжелую низкоквалифицированную работу, т.к. там ей пообещали стройматериалы и ссуду: «Пошла работать штукатуром. И штукатурила 20 лет. Руки не сгибаются. А что делать?..», и спустя 14 лет такой работы смогла обзавестись своим жильем. В данной биографии мы наблюдаем серию «неуспешных» переездов, которые не приводили к повышению социального статуса, а отсутствие собственного жилья воспринималось как самый важный критерий «неуспешности».*

По материалам интервью представляется возможным сделать вывод о том, что категория «успешных» россиян получает стартовый жилищный капитал от родителей и приумножает его в течение жизни, передавая впоследствии уже своим детям: *«Бабушка с дедушкой помогли купить 2-х комнатную кооперативную квартиру, и стали мы в ней жить втроем <...>. Мои родители очень нам помогли, и мы смогли поменять квартиру <...>. Сейчас жилищные условия – идеал <...>. Детям мы купили квартиры <...>. Купили родителям загородный дом» (жен., 48 лет, поколение «родителей»).* В данной истории жилищные условия были благоприятными с детства, и воспринимались как ресурс, подготовленный старшим поколением. И напротив, у «неуспешных» с детства наблюдаются неопределенности с жильем: *«Меня, получается, перекидывали оттуда-туда, то есть, то у бабушки с дедушкой маминых, то к папиным» (жен., 25 лет, поколение «детей»),* и единственным шансом на отдельное проживание воспринимаются наследные квартиры. Отметим, что по данным А.Бурдяк, подобная «жилищная бедность» характерна для большинства россиян (Бурдяк, 2015).

В ходе анализа интервью мы обнаружили, что мечты о жилище могут отражать фактическую социальную дифференциацию: те информанты, чей уровень благосостояния низок, мечтают просто об отдельном жилье, в то время, как более обеспеченные описывают благоустроенные дома и квартиры, которые дополнили бы уже имеющиеся у них жилищные ресурсы. Таким образом, «привычка к бедности» минимизирует желания человека («как сложилось – так сложилось»), и его озвученные мечты и притязания выглядят скромно: «Обычный дом. Ничего сверхъестественного, ничего роскошного. Обычный дом» (жен., 25 лет, поколение «детей»). И наоборот, обладание ресурсами расширяет и рамки потенциального возможного (по крайней мере, в мечтах): «домик, <...> желательно где-нибудь на берегу Крыма, Черного моря» (муж., 30 лет, поколение «детей»).

Обсуждение результатов

Проведенный анализ данных показал, что для всех четырех поколений можно обозначить наиболее распространенные причины переездов: получение образования в другом городе, смена места работы, переезды в связи с семейными обстоятельствами. Также можно выделить некоторые специфичные виды переездов, характерные для отдельных поколений. Например, у поколения «прадедов» это вынужденные переезды (репрессии, отсутствие прописки). У поколения «родителей» и «дедов» - переезды в связи с шансом на получение служебного жилья. Для поколения «детей» - обретение собственного жилья или аренда.

Результаты интервью показывают, что можно говорить о «максимальной» и «минимальной» (в субъективном представлении) успешности в течение жизни, и о том, как перемена места жительства соотносится с субъективной ценностью жилища как такового. В биографиях поколения «родителей» можно увидеть, что собственное жилье становится целью переезда и индикатором жизненного успеха. В результате для поколения «детей» элементом успеха становится стартовый жилищный капитал от родителей и возможность его приумножить его в течение жизни, передавая впоследствии уже своим детям.

Анализ переездов можно разделить на два этапа: 1) оценка их потенциала (то, что информант ожидал от своей пространственной мобильности на этапе ее планирования), и 2) оценка результатов (т.е. успешности перемещений, степени реализации своих ожиданий). Сопоставление двух этих этапов позволяет более точно понять, «лучше» или «хуже» стала жизнь информанта после переезда (или после серии переездов), «ближе» или «дальше» информант ощущает себя по отношению к своим жизненным целям, т.е., в этом случае происходит перенос траектории пространственных перемещений на траекторию жизни. В свою очередь, такой перенос дает возможность к формированию субъективной оценки переездов в понятиях жизненной цели, т.е. к своеобразному отождествлению «переездов» с более общим понятием

субъективной успешности и неуспешности своей жизни, повышения и понижения статуса. Таким образом, описание переездов в биографическом повествовании позволяет увидеть самоидентификацию респондента с тем или иным положением в социальной структуре на начало и конец анализируемого периода, и благодаря этому становится возможной субъективная оценка результатов социальной мобильности.

Литература

- Бурдяк А.Я.* Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 273–288.
- Ечевская О.Г.* Жизненные истории и жизненные возможности: исследование социальных неравенств в оптике нарративной идентичности // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 195–210.
- Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
- Семенова В.В., Полухина Е.В., Рождественская Е.Ю., Стрельникова А.В.* Социобиографический подход к социальной мобильности: научный замысел и его реализация // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 3. С. 143-164.
- Судьбы людей: Россия XX век.* Биографии семей как объект социологического исследования. М.: ИС РАН, 1996.
- Урри Дж.* Мобильность и близость // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 3–14.
- Maloutas T.* Segregation and Residential Mobility: Spatially Entrapped Social Mobility and Its Impact on Segregation in Athens // European Urban and Regional Studies. 2004. Vol. 11. N. 3. Pp. 195-211.
- Oishi Sh.* The Psychology of Residential Mobility: Implications for the Self, Social Relationships, and Well-Being // Perspectives on Psychological Science. 2010. Vol. 5. N. 1. Pp. 5-21.